

Когда Ань Цзыянь очнулся, мысли его всё ещё путались в лёгком тумане полусна. Он смутно помнил, как сидел у постели, прислонившись к деревянному столбику, и наблюдал за Чоу Хуайшэном, но совершенно не уловил момента, когда забылся сном. Цзыянь лежал под тёплым одеялом и понимал, что перенести его сюда мог только Хуайшэн. От этой мысли на губах юноши заиграла нежная, благодарная улыбка.

Оглядевшись, Цзыянь заметил у окна знакомый силуэт. Он тихо поднялся с кровати, набросил на плечи тёплый плащ и бесшумно направился к мужчине.

— Брат Хуайшэн, когда ты проснулся? — Цзыянь доверчиво прижался щекой к его плечу, не скрывая нежности, ведь их чувства давно были взаимными и явными. — Почему меня не разбудил?

— Уж очень сладко ты спал, — негромко ответил Хуайшэн. — Не поднялась рука потревожить.

Он мягко привлёк Цзыяня к себе, обнимая за талию.

«Даже сквозь плотную зимнюю одежду он кажется хрупким, почти невесомым. До чего же он исхудал...»

Эта мысль отозвалась в сердце Хуайшэна тихой укоризной.

— Тоже мне, великая забота! — шутливо протянул Цзыянь. — Теперь боюсь, что за ночь ни в одном глазу сна не будет. Обычно я сплю только в полдень, а так, чтобы продремать до самых сумерек — со мной впервые.

— Если не сможешь уснуть, я схожу на кухню и сварю тебе жидкой пшенной каши. Сразу потянет в сон.

Цзыянь хотел было что-то ответить, но его прервал деликатный стук в дверь.

— Должно быть, ужин принесли, — Хуайшэн мягко отстранился. — Пойду посмотрю.

Он открыл дверь. На пороге действительно стояла хозяйка дома с тяжёлым деревянным подносом.

— Вот ваш ужин, молодые господа, — приветливо заговорила женщина. — Как закончите, просто оставьте посуду на столе. Заберу завтра поутру.

— Спасибо вам за заботу, — вежливо ответил Хуайшэн, принимая поднос.

— Ну, я пойду. Если ночью подмерзнете, в сундуке лежит запасное одеяло, постелите сверху. Понадобится что — зовите меня или мужа. Кушайте скорее, пока всё горячее!

Женщина тепло улыбнулась и удалилась.

— Цзыянь, иди к столу, пора ужинать, — позвал Хуайшэн, прикрывая за собой дверь.

Юноша подошел ближе. На подносе исходили паром свежие дары моря. В Столице, окруженной сушей, отведать свежую рыбу или крабов — редкая, почти непозволительная роскошь. А здесь всё было будто только из сетей — аромат стоял такой, что у Цзыяня невольно потекли слюнки.

Заметив его предвкушающий взгляд, Хуайшэн негромко рассмеялся. Он взял фарфоровую ложку и налил в пиалу золотистый рыбный бульон. Цзыянь принял угощение и принялся неторопливо пить. Суп оказался обжигающе горячим, поэтому юноша не спешил, смакуя каждый глоток, а когда пиала опустела, на его лице отразилось искреннее сожаление.

Однако, потянувшись к чаше с рисом, он замер: поверх белых зерен уже высилась горка очищенных креветок, нежного крабового мяса и сочной оранжевой икры. Перед самым же Хуайшэном росла гора панцирей и клешен. Оказывается, пока он наслаждался бульоном, Хуайшэн молча выбирал для него самые лакомые кусочки. От этой безмолвной заботы на душе у Цзыяня стало невыразимо тепло.

— Ешь побольше, тебе нужно набираться сил, — приговаривал Хуайшэн, продолжая аккуратно очищать мясо от жестких панцирей.

Пока чаша Цзыяня не наполнилась до краев, мужчина даже не прикоснулся к своей порции.

— Спасибо, брат Хуайшэн... — тихо отозвался Цзыянь. — Но ты и о себе не забывай.

Они принялись за еду. Цзыянь ел не торопясь, то и дело бросая на собеседника нежные взгляды. Хуайшэн подкладывал ему лучшие кусочки, и за тихими разговорами время ужина пролетело незаметно.

После еды Хуайшэн прибрал посуду, вымыл ее, а затем вернулся в комнату с глубоким ушатом горячей воды.

Он решил хорошенько распарить Цзыяню ноги перед сном. Юноша с детства тяжело переносил холода: по ночам его ладони и ступни становились ледяными, и согреть их под одеялом было почти невозможно. Для целебного эффекта Хуайшэн бросил в воду горсть сушеной полыни. Местные жители заготавливали ее весной и летом, когда трава буйно росла по берегам, а зимой использовали для защиты от сырости и простуд — у моря воздух всегда оставался влажным и колючим.

— Разувайся, — ласково скомандовал Хуайшэн, ставя ушат у края постели. — Прогреешь ноги, тогда и спать будет теплее.

Цзыянь послушно стянул обувь с чулками и опустил изящные ступни в горячую, пахнущую травами воду.

Почти сразу приятное тепло разлилось по всему телу. Хуайшэн опустился на колени перед кроватью и принялся мягко разминать активные точки на подошвах юноши. Из-за излишней чувствительности Цзыянь дернулся, пытаясь высвободить ногу, но хватка мужчины оказалась мягкой, но надежной.

— Не вертись, — с улыбкой укорил его Хуайшэн. — Массаж стоп полезен для здоровья.

— Но мне щекотно! — взмолился Цзыянь. Сдерживать смех, когда пальцы Хуайшэна касались нежной кожи, было выше его сил.

— Придется потерпеть. Привыкай, теперь я буду делать это каждый вечер. Ну-ка, давай вторую.

— Брат Хуайшэн, ты умеешь абсолютно всё, — тихо проговорил Цзыянь, уже немного привыкший к прикосновениям и переставший отнимать ногу. — Если всё уляжется и мы откроем свою лечебницу, отбоя от пациентов не будет.

— Идея хорошая, — согласился Хуайшэн. Он поднял взгляд, и в его глазах вспыхнул лукавый, обещающий огонек. — Вот только мне понадобится тот, кто станет хозяином моего дома. И моей жизни.

От этих слов Цзыянь вспыхнул до кончиков ушей и поспешно отвернулся, не зная, что ответить на столь прозрачный намек.

Хуайшэн еще немного помассировал стопы, затем бережно вытер их мягким полотенцем.

— А теперь быстро под одеяло, не хватай холодный воздух. Я вылью воду и вернусь.

Он унес ушат, прибрал в сенях и вернулся в спальню.

Прежде чем лечь, Хуайшэн подошел к жаровне и постоял там, растирая ладони, чтобы не принести с собой уличный сквозняк. Согревшись, он забрался под одеяло. Цзыянь тут же прильнул к нему, и Хуайшэн крепко обнял его, укрывая от зимней прохлады.

Сон не шел — сказался долгий дневной отдых. Цзыянь, лежавший спиной к мужчине, осторожно повернулся и заглянул ему в лицо. Их взгляды встретились, и оба невольно

улыбнулись. Не сговариваясь, они потянулись друг к другу. Их губы соприкоснулись в нежном, несмелом поцелуе, который с каждым вдохом становился всё глубже и горячее. Тела наполнялись томительным жаром.

Поцелуй перерос в исступленное, пьянящее объятие. Теряя голову от нахлынувшего чувства, они начали торопливо избавляться от мешающих одежд, пока не остались друг перед другом в первозданной нагоде.

На мгновение они замерли, тяжело дыша. В неверном золотистом свете свечи очертания их тел казались зыбкими и прекрасными. Прежде Хуайшэну доводилось видеть Цзыяня нагим, но сам Цзыянь впервые созерцал мужское тело столь близко. Смутившись от собственной смелости, юноша поспешно натянул одеяло до самого подбородка, прячась от пристального взгляда.

— Цзыянь, не бойся, — прошептал Хуайшэн. Он скользнул ладонью под плотную ткань, ласково поглаживая гладкую, шелковистую кожу на спине юноши, стараясь унять его дрожь. — Ты ведь веришь мне?

— Верю, брат Хуайшэн... — выдохнул Цзыянь. Его сердце колотилось так сильно, словно готово было выпрыгнуть из груди. — Но мне всё равно страшно.

— Если веришь, доверься мне без остатка. Хорошо?

Голос Хуайшэна звучал как нежный шепот ветра. Он мягко коснулся губами его лба, затем перешел к щекам, уловив тихий вздох согласия, увлек юношу за собой в водоворот ласк.

В эту холодную зимнюю ночь двое влюбленных растворились друг в друге, разделяя священное таинство первой близости. А когда буря улеглась, они уснули, крепко обнявшись. На их лицах, согретых отступившей темнотой, блуждали счастливые, умиротворенные улыбки.